

11. Соловьев А.В. Интенсивность труда в социалистической промышленности. Вопросы теории и практики. – М.: Экономика, 1971. – 119 с.

12. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – Избранные произведения. – М.: Наука, 1964. – 216 с.

13. Черкасов Г.Н. Социально-экономические проблемы интенсивности труда в СССР. – М.: Мысль, 1966. – 228 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2005

**Э.Д. КАНИМЕТОВ, кандидат философских наук, доцент,
Институт философии и права Национальной Академии наук Кыргызской Республики,
Заведующий отделом Госкомимущества Правительства Кыргызской Республики**

ПАРАДОКСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (на примере Кыргызской Республики)

Теория трансформации, на которой основывалась реформы в Кыргызской Республике после 1990-х годов, базировалась на нескольких допущениях, не всегда явно формулируемых, но универсально принимаемых. Первое, и основное, касается самого направления трансформации: институциональный порядок, который возникает в результате процесса перехода, в общем и в целом должен был воспроизвести институциональный порядок современных западных демократических обществ. Это предполагает, что будут сформированы системы представительной демократии; осуществлено разделение властей, реорганизована судебная власть, сформирован орган конституционного надзора, образована плюралистическая система выражения социальных интересов, которые составляют базис складывающегося гражданского общества. Соответствующие изменения в обществе, согласно этой теории, должны были произойти также в сфере экономики; при посредстве государства совершаются разгосударствление и приватизация предприятий, децентрализация и демонополизация хозяйственного управления, формирование налоговой системы. Одновременно должны быть созданы, взамен разрушенных государственных, новые системы социального обеспечения, основанные на частном интересе, но регулируемые и поддерживаемые государством; здравоохранение, образование, пенсионная система, система гарантий по безработице.

Параллельно складывается правовой механизм реализации этих изменений. Социальная система перестраивается полностью, практически все области жизни должны быть затронуты изменениями, а точнее сказать, должна произойти их кардинальная реорганизация на принципиально новых основаниях.*

Второе неявное, но общепринятое, допущение заключалась в том, что все вышеперечисленные процессы должны происходить одновременно. Основой этого допущения является традиционное для западной социологии представление о системном характере общественной организации, суть которого состоит в том, что изменения в каком-то одном сегменте неизбежно вызывают вполне определенные системно ориентированные изменения в других сегментах.

Эти допущения с самого начала реформ в Кыргызстане порождали ряд парадоксов, типичных для современных исследований общественных трансформаций. Целесообразно отметить один из них, ко-

*Такое, неявное, но общепринятое допущение характерно для большинства работ по проблемам трансформации, особенно для работ по проблемам посткоммунистической трансформации, в частности, можно сослаться на уже известную работу Бжезинского З. Великое преобразование. Brzezinski/ The Great Transformation, The National interest. No 33 Fall 1993. P. 3-13.

торый можно назвать парадоксом целей и средств; он проявился и продолжает проявляться почти во всех постсоветских республиках, где достаточно решительное реформирование экономических институтов сопровождается с ужесточением политического режима, препятствующего реформированию политического порядка. Данное явление в средствах массовой информации постсоветских республик обычно характеризуется как кризис властных структур.

Чтобы не быть голословным, можно привести несколько примеров. Данный парадокс острее всего проявился в начале 1990-х годов в России: это фактическая ликвидация Конституционного суда и разгон парламента в октябре 1993 года, т.е. уничтожение (на время) институтов, единственно способных служить противовесом складывающемуся «открытому» режиму личной власти и темных теневых структур, остановка начавшегося процесса политической децентрализации и т.д. Тогда из числа республик стран СА, Казахстану также не «удалось избежать кризиса власти». Проявился он, как и в ряде подобных случаев, в виде противоборства исполнительной и законодательной ветвей власти. Здесь спустя четыре года после распада СССР, в середине 90-х «дважды распускался парламент. Согласно проведенного специального референдума, продлены до XXI века полномочия Президента и т.д.» [1].

«В Кыргызстане судьба авторитарной формы правления решалась в периоде 94-95-х годов. Первым шагом здесь было [2] закрытие газет «Политика» и «Свободные горы». Затем последовал дружный, хорошо организованный отказ депутатов от участия в сессии Жогорку Кенеша, который завершился требуемым отсутствием кворума и переходом сессии в собрание депутатов, а также и «отставкой» Правительства»[2].

Это явление в той или иной мере коснулось почти всех новоявленных государств на территории бывшего СССР, но каждый отдельный случай имеет свою степень остроты и специфику. Подобные изменения в политической жизни некоторых

постсоветских странах, например, в Кыргызстане в большей степени были созданы искусственно, в основном для того, чтобы использовать социальный эксперимент в качестве одного из активизирующих и инерционных механизмов постсоветских реформ. Имитация и локальное (т.е. в Кыргызской Республике) моделирование перестроечных и постперестроечных российских реалий являлись одним из основных причин ухудшения социально-экономической ситуации в современном Кыргызстане. Многие политические решения (введение национальной валюты, демонтаж государственной власти, закон о приватизации земли и т.д. сыгравший потом судьбоносную роль в общественной жизни бывших советских народов), прежде всего были апробированы в Кыргызстане. "Передовой" социальный эксперимент в Кыргызстане был использован в качестве активизирующего примера, доказывающего необходимость и необратимость постсоветских реформ. Например, советник бывшего президента КР А.Акаева Андерс Ослунд (Anders Aslund) – один из влиятельных и наиболее последовательных консультантов, координаторов перестройки и постперестроечных реформ в СССР, РФ, Украине и др. бывших советских странах – часто указывал в своих украинских публикациях на удачный пример реформирования в Кыргызстане. Суть подобных «авторитетных» публикаций, выражаясь проще, примерно так звучит: «Вот мол, Кыргызстан впереди Вас, есть результаты, а Вы отстаете от них».

Но этот же человек (Anders Aslund), через некоторое время после оранжевой революции в Украине, в газете "The Washington Post" – Wednesday, May 18, 2005; Page A17, пишет, что новая украинская власть в лице Ю.Тимошенко и др. предали революцию. Поскольку там по его словам, пытаются «рениационализировать» крупные предприятия и промышленные объекты. Прежний режим удвоил пенсии, и теперь Украина имеет самую высокую в мире долю расходов на пенсионное обеспечение по отношению к объему национального дохода. Новое украинское прави-

тельство лишь усугубило это финансовое бремя, повысив зарплаты бюджетникам на целых 57%».

Судя по всему, в данном случае с Украиной суть проблемы заключается в том, что новая украинская власть, нравиться ли это А.Ослунду или нет, вынуждены проводить реприватизацию и более эффективную социальную политику, хотя бы для того, чтобы удержаться во власти. Иными словами, учитывать интересы большинства украинцев, а не только олигархов, которые, скорее всего, сидят на крючке тех же сил извне, от имени которых выступает А.Ослунд.

С самого начала Узбекистан и Туркменистан не вписывались в подобные теоретические стандарты. В последних странах экономические реформы осуществлялись в рамках медленно либерализующегося авторитарного режима. Согласно некоторым прогнозам китайских специалистов эти страны могут прийти к гармонии (экономики) раньше, чем окружающие их страны, поскольку там «не распущены макроструктуры экономического контроля и управления» [3]. Сторонники такого рода развития полагают, что иным путем невозможно осуществить переход к рыночным структурам в экономике. Такой точки зрения придерживаются многие политологи и обществоведы в постсоветских республиках. Они утверждали, что «переход от тоталитаризма к демократии возможен только через авторитаризм». Более того, например, «необходимость установления и достаточно долговременного функционирования в Казахстане авторитарного режима выводится одними авторами из «незрелости» общества для восприятия современных стандартов демократии, другими – из некоей ментальности».

Подобную позицию можно заметить и в публикациях некоторых западных специалистов после очевидного провала реформ постсоветского периода в бывших советских странах. Например, даже такой автор, как З.Бжезинский пишет о необходимости использования опыта Южной Кореи, Китая для России и Украины. РФ и Украина, по его мнению, являются «стра-

нами без сильных рыночных традиций и развитых предпринимательских структур» [4]. А в Центрально-Азиатских странах эта проблема, по выражению З. Бжезинского, «становится еще более сложной и неоднозначной». При этом он также опирается на труды С. Окиты, в которых тот доказал необходимость вмешательства государства в экономику в странах, где механизмы свободного рынка не опираются на традицию, опыт и соответствующую социокультуру. Но если данное предложение соответствует истине, то это означает, что в ходе создания рыночной экономики утрачивается так называемой демократическая сущность процесса трансформации. И чем более форсируется этот переход, тем в большей степени он утрачивает свой политический и социальный смысл, превращаясь по сути дела в процесс кардинальной экономической – и только экономической – модернизации.

Такие парадоксы, с одной стороны, выступают как результат конфликта теории и практики модернизации общества и трансформации культуры, с другой – как следствие редукционистского подхода к истории, согласно которому, торжество идеи либерализма во всем мире однозначно предопределяет «финал истории». Но эти парадоксы в то же время являются причинами неудач реформаторов, которые коренятся, по словам Нобелевского лауреата и титулованного представителя, Джона Стиглица, гораздо глубже – они в непонимании реформаторами самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ [5].

Целью же трансформации общества, судя по предпринятым попыткам ее преобразования в Кыргызстане, является создание такой «объемлющей» ситуации, внутри которой определенный «субъект развития» или «негативный класс» (Гегель) может реализовать развивающую функцию. Так, например, эффективная деятельность слоя предпринимателей, которые на глазах постсоветской интеллигенции являются гарантом процветания, требует создания особого коммуникативно-правового пространства, где должны

быть оптимально отрегулированы вопросы налоговой политики и взаимоотношений этого слоя с другими социальными группами и слоями.

1) Теория трансформации, в ее таком, вышеизложенном понимании представляет собой альтернативный вариант четко артикулированной точки зрения на проблему создания такого коммуникативного пространства, где рыночная экономика является средством, а правовое государство – условием ее создания.

2) Другая вторая альтернативная точка зрения на эту проблему заключается в том, что средством является централизованное государственное управление общественным хозяйством, а условием – наличие так называемой «национальной идеи», т.е. фактически государственной идеологии, официальной по форме и мобилизационной по содержанию.

Развитие общества по первому проекту теории трансформации, как это наглядно в примере либеральных реформ в Кыргызстане, приводит к опасности тотальной дестабилизации, если его информационно-коммуникативная система будет перенасыщена новыми идеями общего характера. Но перевод этих идей из общего социокультурного (дескриптивного) состояния в инструментальное (прескриптивное) своевременно не происходит [6]. Т.е. мечты, особенно молодого поколения кыргызстанцев, о «лучшей жизни как на Западе» не вписываются с реальной действительности. Данный факт во многом обуславливает негатив в отношении властью, особенно если они провинились в коррупции. Такое недовольство масс, вызванное самой природой посткоммунистических реформ, всю использовалось различными политтехнологами, НПО и прозападными СМИ в организации «оранжевой революции» в Кыргызстане.

Положение усугубляется и тем фактом разрушения традиционных общественной системы и принципов организации социума в Кыргызстане. Процессы разрушения традиционных общественных отношений, разумеется, у различных диаспор и титульного народа республики совер-

шенно отличаются. У этнических диаспор Кыргызстана в годы реформирования общества традиционные жесткие общественные системы не только сохранились, но, наоборот, укрепились. В традиционных общественных системах человек является неотрывной частью этноса, рода, семьи. Он прочно увязан со своими социальными группами психической зависимостью, движим в поступках мнением окружающих. Ему не приходится индивидуально планировать свою деятельность, самому выбирать место жительства, профессию. Семейно-родовой тип производства создает прочные многоуровневые иерархии, где каждому, в зависимости от его возраста и положения, задается содержание деятельности и тип поведения. При такой организации социума нет необходимости разрабатывать сознательно принципы его политического устройства, писать законы и создавать институты контроля за их выполнением. Все общество путем взаиможиданий контролирует действие каждого человека. Поведение людей подчиняется не формальным правилам, а устойчивым связям и традиционной этике, действующей на уровне подсознательных психологических механизмов.

Формализм морально-правовых норм, чего уже в течение пятнадцати лет пытаются внедрять в общественную систему Кыргызской Республики, относится к совсем иной картине мира, она не зависит от внутренних состояний субъекта (как наверху, так и внизу социальной пирамиды). Правовая власть не интересуется внутренним миром граждан. Но такая холодность, «юридическое бездушие», по мнению его сторонников, вовсе не является недостатком правового принципа. «Как раз напротив, – пишет один из проповедников этого подхода, – в этом безразличии выражает себя юридический гуманизм, а именно безусловное предварительное доверие к каждому члену общества... Гуманизм юридический – это доверие... к основному личному измерению человека – к его воле, понимаемой как способность самоконтроля и самодисциплины» [7].

В этом случае сохранение социаль-

ной системы, организованной по правовому принципу, обеспечивается новыми психологическими механизмами. Психологически человек не лишается связи с обществом, но качественно меняет уровень этой связи. Свобода индивидуальной деятельности возможна не вопреки правилам и схемам культуры, а путем превращения культуры во внутренний мир людей. Культура из системы социальных зависимостей и взаиморегуляций превращается в систему внутренних образов и позиций. Отрицая или принимая культуру в обращении с людьми, человек формирует личностные механизмы саморегуляции. Место детских страхов и стыда занимают убеждение и ответственность. Материализованная структура жестких связей заменяется культурой жестких идеальных правил.

Таким образом, демократическая система, по мнению ее сторонников, предполагает автономного, не подопечного субъекта. Его главные принципы – суверенность, самостоятельность и ответственность, исключающие потакание и покровительство.

В отличие от демократии, согласно мнениям критиков советской системы, тоталитарная система представляла собой псевдорелигиозную структуру. В нем многие ценности принимались как априорные. Точнее, было идеологически сформированное массовое убеждение, что так или иначе законы общественного развития уже разгаданы и мы сумели сделать свой правильный и единственный выбор, сумели твердо стать на сторону исторического процесса. Образ жизни был окутан идеологической мифологией, которая легко воспринималась всеми, поскольку сводилась к убеждению, что у истории нет иной цели, кроме как решение наших общих проблем и проблем каждого в отдельности. Иными словами, жизнь следовала общим правилам, общим законам, воспринимаемым как априорная основа существования общества, культуры, морали. Каждый индивид имел возможность считать себя воплощением исторического процесса, носителем общих ценностей. Тем самым человек был составной частью новых и целенаправлен-

ных общественных сил, их воплощением. Коллективное поведение, как априорно полезное, снимало с индивида личную ответственность и делало ненужным и нежелательным индивидуальный выбор. За ширмой коллективной обеспеченности любое стремление к личной оценке и к персональному выбору казалось нецелесообразным и в личном плане не нужным. Так было сформировано пассивное детерминистское историческое сознание бывшего советского народа. После разрушения советской системы стал уже невозможным такой безболезненный переход от сферы конкретной повседневной жизни в абстрактный идеологический мир априорных символов и идей. Возникшие социальные движения и новые противоречия стали все реже управляться установленными традициями, правилами, нормами и все чаще подчиняться непосредственным витальным импульсам.

Такие процессы привели к возобладанию традиционной патерналистско-общинной модели и этнико-национальной консолидации в Центральноазиатских республиках. Ныне здесь активизируются тенденции неоархаизации – новой постмодернизационной культуры, в которой сочетаются традиционные клановые формы с посттрадиционным мировоззрением, существенно отличающиеся также от ценностно-рациональных установок общества Нового времени.

Но и те «либерально-демократические» шаги, предпринятые режимом бывшего президента Кыргызской Республики А.Акаева, отнюдь не привели к овладению формально-правовым принципом, а наоборот, раскрыли его недостатки и дискредитировали преимущества. Особенно это было заметно в усилении власти коррупционно-номенклатурной верхушки, криминала и бюрократизма. Одним из способов самоутверждения бюрократии в Кыргызстане с 1990-х годов до 2005 года являлась политизация всех общественных функций.

Бюрократизм, порожденный политическим гегемонизмом политического режима в Кыргызстане, отнюдь не был

склонен связывать себя инструкциями. Инструкции издавались для других, для регламентации разнообразных видов деятельности, лежащих в сфере гражданского общества. Поэтому вопреки истинно конституционному принципу, бюрократическое правления режима А.Акаева старалось сузить область его применения, а то и изменить Конституцию посредством референдумов. Изменения Конституции продолжают до сих пор. Такой политический гегемонизм уже бывшего режима власти Кыргызской республики в конце концов привел к слиянию административной системы с политической и посягательство на независимость судебной власти. А без подлинной независимости судопроизводства от исполнительной власти, как очевидно, принцип конституционности не может работать. В Кыргызстане согласно международным стандартам устанавливались самые гуманные по видимости законы, которые, однако, ни в чем не стесняли авторитарную практику власти бюрократического аппарата и системной демагогии А.Акаева. Однако бюрократический волюнтаризм прежней власти имел очень малое сходство с подлинной государственной волей, знающей свои границы, но не уступчивой, твердой там, где этого требует закон.

Авторитарная бюрократия политического режима в Кыргызстане, желая решить все вопросы, подменяя естественную саморегуляцию общественной жизни непрерывным декретированием сверху, не имела шансов уследить за всем, утрачивала приоритеты, теряла важное в погоне за второстепенным. Непрерывно росло количество указов и постановлений. Но при этом столь же быстро падала и доля претворяемых в жизнь декретов, росли количество повторных решений и тех, которые с самого начала обречены остаться на бумаге.

Связанный с утерей границ государственной компетенции кризис власти повлек за собой социальную нестабильность. Но не финансовую нестабильность, поскольку стабильность финансовой системы Кыргызстана, скорее всего, искусст-

венно поддерживалась благодаря заинтересованным силам извне..... Но в повседневной жизни заметно росло количество всякого рода срывов, отклонений, происшествий. Поскольку прежние механизмы общественной саморегуляции были подорваны, а бюрократическая опека недееспособных государственных деятелей сверху в принципе не была способна полноценным образом их заменить. А инстинкт самосохранения нации привел в ответ к этим процессам и в целях обеспечения элементарной безопасности к саморегуляциям криминального толка с популярными неформальными лидерами. Так, усиливались «энтропийные» процессы, в конечном счете грозящие полным развалом бывшего политического режима А.Акаева. Всевозможные обязательства государства вели к постоянному разбуханию бюджета на бумаге, и, тем не менее, большинство их до сих пор остаются не обеспеченными и порождает бюджетный дефицит. Наряду с этим имела место зримая деградация государственных социальных служб и услуг, ряд которых на глазах превращалась в фикции или коррумпировались. В экономической сфере результат этой политики налицо: С 1993 по 1996 год Кыргызстан получал на душу населения в виде кредитов больше долларов, чем любая другая страна СНГ. Только на поддержание национальной валюты – сома – Кыргызстана ежегодно выделялось примерно по 100 миллионов долларов. В 1996 году МВФ предоставил Кыргызстану режим наибольшего благоприятствования и увеличил размеры помощи. Несмотря на это экономическое положение страны непрерывно ухудшалось. Поступаемые в КР средства использовались главным образом для освоения ресурсов страны, создания инфраструктуры для вывоза сырья и подпитку местной элиты. Низкий платежеспособный спрос, ослабление производственных связей, неконкурентоспособность отдельных видов выпускаемой продукции, отсутствие материальных и финансовых ресурсов, рост кредиторской и дебиторской задолженности - все это подорвало основы и без того весьма слабой экономики страны.

Темпы спада промислового виробництва в 1992 г. склали 26,4 %, в 1993 – 24,6, в 1994 – 27,9. (по другим даним до 50%), в 1995 – 50%. В початку 2000г. деіндустріалізація країни завершилась. В суспільстві відбулося різке майнові розшарування. В країні встановився значительний розрив між багатими (3% населення) і бідними (97%). Наслідком проводимого в КР соціального експерименту є повна залежність країни від фінансових вливань заходу. Без дотацій економіка КР вже не може існувати. ТНК, західні країни, РФ і навіть Казахстан скупає під заставу наземних і підземних ресурсів (золото, срібло, сурьма, ртуть і інше). Таким чином, найбільш ймовірне майбутнє КР до «оранжевої революції» в березні 2005 року було повторення шляху відсталих держав Африки і Латинської Америки.

Всі ці риси бюрократического управління політичного режиму Киргизької республіки, представлені в основному в теоретическій формі, характерні і для республік Центральної Азії, в аналізі проблем соціальної трансформації можна розцінити як спробу відображення інституціонального контролю засобом західнізації.

В цілому можна сказати, що на основі критерію розділення сучасного (західного) і традиційного (східного) типу суспільства лежать не тільки відносини індивіда до суспільства, державі і навпаки, але і міжособистісні відносини.

Але, в самому справі, як свідчить історія самого Заходу, не існує жорсткої дилеми: або боротьба групових інтересів в межах дотримуваних конституційних норм, або неуправляемий істребительний хаос. Крім того, сучасні зміни в світі, характеризує як явища постмодерну, секуляризації, перехід від економічного членка до постекономічного дозволяє зробити прогноз, стосуючий загального посилення морально-релігійних і соціокультурних факторів в організації соціума.

Згадані зміни дозволяють говорити багатьом, в частині В.Ф. Шапова-

лову і А.С. Панарину [8; 9; 10], о можливості формування нової парадигми демократії, розповсюдив плюралістический принцип на взаємовідносини культур і цивілізацій.

Але, як свідчить історія, коли декілька цивілізацій вступають між собою в контакт, вони частіше за все володіють різними потенціальними можливостями. Людській природі властиво користуватися своїм переважанням на індивідуальному і колективному рівні. Саме в цьому, т.е. в євроцентризмі, багато хто бачить парадокс західної демократії. Дискредитуючи принцип монізму застосовуючи до внутрішніх відносин західного суспільства, вона ісповідує його застосовуючи до зовнішнього світу. Тому, аж до останнього часу, замість плюралізму віддавали перевагу вистраивати ієрархію світових культур, ставлячи західну модель на перше місце як якість світового зразка і як якість невідмінної загальнолюдської перспективи.

Тому не випадково в останнє час багато хто висловлює передположення, що ефективність моделі суспільного пристрою в сучасних західних суспільствах «в значительній ступені пояснюється «вибухом» екологіческих і інших витрат функціонування постіндустріального суспільства, а також агресії постійно зростаючих споживаческих і «громадянсько-правових» претензій в країни периферійного капіталізму» [11].

До числа таких думок можна віднести і побоювання С. Ханінгтона стосовно стійкості ліберальної демократії. «Завжди існує ворог, який дозволив сформулювати нам спільність» [12].

Можливо, тут грає роль відомий механізм витіснення насильства вовне, описаний в психоаналізі, і т.д. Як вважає французький антрополог Р. Жирар, існування соціума залежить від рішення «жорсткого кризи» — війни всіх проти всіх, а його виникнення після застосування так званої «заместительної жертви» — предмета «одиноким колективним насильством» [13].

Здесь вытеснение импульсов насилия вовне однотипно со «сбрасыванием энтропии» во внешнюю среду, на окраины западной ойкумены. Но постэкономическая и постмодернистская фаза развития Запада ознаменовалась культурной легитимацией ранее дискредитируемого восточного опыта, отдельные виды которого активно стали заимствоваться западными элитами еще со времен Шопенгауэра.

Именно с этим, т.е. с презумпцией неиерархичности мировых культур, связано утверждение нового глобалистского образа демократии. Современная культура власти в многонациональных обществах может быть определена как способность развить либеральную концепцию плюрализма и консенсуса применительно уже не к взаимодействию групп и партий, развертывающемуся в монокультурном пространстве, а к взаимодействию культур.

С этих позиций предстоит пересмотреть проблемы создания механизма государственной власти, отвечающего требованиям либерализма. Поскольку либеральное государство есть радикальная альтернатива государственной тирании и тоталитаризма, либерализм предполагает наличие механизмов общественной саморегуляции. Поэтому очевидно, что существование либерального государства не может основываться на поддержании социальной стабильности исключительно за счет государственного насилия.

А механизм общественной саморегуляции может родиться и действовать только посредством активности «снизу», но не хаотической, а вырастающей из нравственности и традиций культуры. Опора на нравственные и культурные традиции, на духовные ценности, на то, что, так или иначе, способствует сохранению цивилизационных основ общества, предохраняет от скатывания к беспорядку и деструкции есть императив либерального государства. По самой природе она не может основываться на насаждении искусственного кодекса нравственности в виде обязательной государственной идеологии.

Даже проповедники различных религий в Кыргызстане давно поняли это и

теперь вынуждены акцентировать в своих проповедях основное внимание на этнонациональных чувствах справедливости и самосохранения.

Таким образом, очевидно, что в обществе должен существовать определенный механизм, посредством которого ценность индивидуального бытия человека утверждается, сохраняется и осознается. Этот механизм не сводится к функции органов государственного принуждения, которое само нуждается в моральной санкции. Поэтому очень даже может быть, что те люди, которые сейчас с пеной у рта апеллируют к идеям о разделении властей в Кыргызстане на самом деле преследуют корыстные, клановые и даже геополитические интересы международных авантюристов и кланов.

Такой механизм не складывается из моральных назиданий, он не обусловлен непосредственными потребностями практики и утилитарными целями. Как утверждает Локк, стремление к выгоде разъединяет людей, поскольку «никто не может разбогатеть, не нанося вред другому» [14]. Основанием общечеловеческого единства является «естественный закон», где польза выступает результатом нравственности. Следовательно, такой механизм производства и сохранения неутилитарных ценностей существует и находится в тесной связи со сферой культуры.

Поэтому нам представляется более соответствующим духу плюрализма и ценностям культурного многообразия следующее предположение: каждая культура содержит общечеловеческую ценность терпимости, но выражает и защищает ее своими средствами, на своем языке.

В сфере государственного строительства Кыргызской Республики идея народного курултая (Элдик Кенеш или элдик Курултай) и намерение простых людей по ее реализации на практике, скорее всего, является попыткой такого синтеза: говорить на языке современной политической культуры исходя из опыта традиций и нынешних реалий. Народный Кенеш в нынешней версии народных активистов выглядит как своеобразная попытка создания

параллельного легитимного механізму публичного контролю властних органів держави, легитимність яких частіше всього зростає на популізмі і демагогії і які потребують моральної санкції з боку нації.

Література

1. Кризис власти. /Новое поколение. – Алматы. – № 5 (139). –1996. – С.3-4.
2. Исаев К. Итоги четырех лет и перспективы/Res publika.1994. Бишкек №5.
3. Международный обзор. – М.: 1993, № 1. 12. 11..94.
4. Демократия 1990-х. З.Бжезинский. Великое преобразование. /USIA/R.P.O Viena/ с.25-32
5. Дж. Стиглиц. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). /Вопросы экономики. – № 7.
6. Панарин. А.С. Философия политики. – М.: 1996, с. 305.

7. Соловьев Э.Ю. Личность и право. //Воп-росы философии. – 1989. – С. 80.
8. Панарин А.С. Роль России...//Вестник РАН. – 1996. – №9. –С. 768-795
9. Панарин А.С. Джентельмены удачи в океане невзгод. /Свободная мысль. №4. 1995. С. 16-28.
10. Шаповалов В.Ф. Либерализм государство и универсиализм культуры//Социс. № 8 1995. -С. 17-16.
11. В поисках «субъекта развития». Независимая газета. // М. 09.10..97. – С. 3-5.
12. Современная западная философия. – М.: Политиздат, 1991, с. 104.
13. Ханнингтон С. Неуправляемость демократии? //Демократия 1990-х./ ИВ1А R.P.O. Vienna. - С.22.
14. Локк Дж. Сочинения в 3-х томах. – М.: 1988, Т.3. – С.53.

Статья поступила в редакцию 20.01.2006

**Р.Ф. ПУСТОВИЙТ, к.пед.н., доцент,
Черкаський банківський інститут УАБС НБУ**

ПРИВАТИЗАЦІЯ ЯК ІНСТИТУЦІОНАЛЬНА УМОВА СТАНОВЛЕННЯ ПІДПРИЄМНИЦТВА В УКРАЇНІ

У найзагальніших рисах приватизаційний процес можна визначити як передачу урядових функцій щодо власності приватному сектору. Безсумнівними перевагами приватизації є такі, як: удосконалення управління підприємствами, запровадження в економіці конкурентних засад, зниження витрат (у тому числі й трансакційних), покращення якості надання послуг споживачу тощо. Отже, ретельно опрацьований процес приватизації та інші приватизаційні урядові ініціативи повинні сприяти розвитку ринків. Вище зазначену наукову точку зору спостерігаємо у працях таких економістів, з далекого та близького зарубіжжя, як Р. Коуза[1], В. Вільямсона[2], Д. Норта[3], В. Андресфа[4], Е. де Сото[19], А. Ослунда[5], Р. Нуреева[6], А.Олейника[15], та наших вітчизняних вчених – А. Пасхавера, В. Лагутіна [7].

Взагалі формування адекватної системи відносин власності є однією із фун-

даментальних задач влади, коли права людини і права власності розглядаються як два основні об'єкти, для захисту яких створюється уряд [8, с. 24]. Стосовно нинішнього цивілізаційного етапу мова повинна йти про гарантії прав приватної власності, що безпосередньо пов'язано з забезпеченням інституціональних умов для розвитку підприємництва [9, с. 16]. Такий висновок підтверджується оцінкою Р. Коуза, який побачив у розвалі економік колишнього СРСР ще одне визнання правильності своєї теорії у сенсі створення необхідних інститутів прав власності [10, с. 73]. Адже згідно з теоремою Коуза вихідний розподіл прав власності є несуттєвим з точки зору економічної ефективності, якщо ці права чітко специфіковані і ними можна обмінюватися на досконало конкурентних ринках. Тобто, коли законодавство чітко

© Р.Ф. Пустовійт 2006